

Др. Петер Ян (Публикация в газете «Zeit» от 14.06.2007 г., публикуется на русском языке с любезного разрешения автора)

27 миллионов – столько советских граждан погубило во время Второй Мировой войны 1941 – 1945 годов, войны, развязанной Германией против СССР. Эту цифру и по сей день многие в Германии не знают или не хотят знать

Отношение Германии к России отвечает в настоящий момент реалиям времени. Сегодня, по прошествии десятилетий конфронтации в Холодной войне, усиленно демонстрируется «нормальность» отношений. История при этом редко попадает в поле зрения, но если попадает, то часто в усеченном виде. Немецкие авторы напоминают в дебатах о захваченных произведениях искусства, призывают следовать международному праву, однако историческая ситуация, при которой оспариваемые произведения искусства попали в Советский Союз, как правило остается «за кадром». И если в Москве 9 мая празднуется День Победы над нацистской Германией, то даже лучшие, т.е. наиболее объективные газеты в Германии, охотно печатают смехотворные фотографии обвешанных орденами стариков в празднично-сентиментальном настроении. Возмущение в России по поводу переноса памятника погибшим советским воинам в Таллинне является для нас всего лишь политической инсценировкой. Однако исторический опыт 1941 – 1945 годов, восприимчивость русских к этой теме, в действительности нас не интересуют.

Мы поверхностно воспринимаем этот период Второй Мировой войны и рассматриваем его под призмой современности. Затем наш взгляд, несмотря на новые публикации и некоторые выставки 90-х годов, устремляется не в сторону воспоминаний о «тотальной» войне нацистской Германии, а на страдания немецких солдат под Сталинградом или на ужасы 1945 года. На 2008 год телеканалы немецкого общественного телевидения анонсировали два новых больших проекта, в центре внимания которых будут находиться немцы, пострадавшие от Красной Армии в последние недели войны.

Стоит опасаться того факта, что многим людям до сих пор не до конца ясны чудовищные масштабы террора, который учинили немцы за три года оккупации Советского Союза. Количество жертв со стороны Советского Союза поражает воображение. Эти цифры тяжело осознать людям, рожденным после войны. Если немцы в период с 1941 по 1945 год потеряли от шести до семи миллионов человек, то в Советском Союзе количество жертв за тот же период составило 27 миллионов человек, из них только 9 миллионов человек погибли на поле боя. Остальные жертвы - гражданское население.

Такого масштаба страданий еще не знала Европа. Это связано с особым характером «Восточного похода». По словам военного историка Юргена Форстера, эта война была и целью, и средством одновременно. В качестве средства возник «План Барбаросса» (кодовое название подготовки нападения). Решение о подготовке нападения на СССР было принято после оценки стратегической ситуации 1940 года, так как Великобритания после победы Германии над Францией не была готова отдать превосходство на континенте и лишь сосредоточиться на заморских колониях. Англичане продолжали войну. США все сильнее поддерживали Британию. Логика германского руководства казалось вполне

последовательной: провести «блицкриг», краткосрочную войну против соседей на Востоке, и тем самым обезвредить потенциального противника. Затем, после быстрой победы, планировалось направить ресурсы нацистского государства на окончание войны на Западе. Иначе говоря, было признано необходимым сделать второй шаг, чтобы завершить первый.

Наряду с этим «План Барбаросса» следует рассматривать в контексте всей политики национал-социализма. С нападением Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года собственно и началась война. Предыдущие кампании на Востоке и Западе Европы, в Скандинавии и на Балканах, были фактически лишь подготовительной фазой. Речь шла о захвате «жизненного пространства» на Востоке, о создании огромной колониальной империи до Урала.

Эту цель Гитлер не только сформулировал в своей книге «Моя борьба», опубликованной в 1925/26 годах, книге, по существу являющейся программным документом гитлеризма. Эта мысль неоднократно высказывалась в присутствии германского высшего генералитета. Впервые она прозвучала 3 февраля 1933 года. Гитлер говорил: «Политическая сила победила. Как она должна использовать свою победу? (...) Завоевывать новые возможности для экспорта. Но намного лучше – захватить новое жизненное пространство на Востоке и провести его решительную германизацию.» Славянские народы, населяющие это «жизненное пространство», объявлялись биологически неполноценным материалом и имели право на существование только в качестве рабочей силы для переселившихся «немецких господ».

Немцы рассчитывали на 30 миллионов погибших от голода.

В «классификации» врагов поляки и чехи занимали иное, отличное от жителей Советского Союза место. Если поляки и чехи были «лишь» «расово неполноценными славянами», то отношение к восточным славянам определялось и иными, более глубинными мотивами. «Война против России – это значительный период в борьбе немецкого народа. Существует историческая борьба германской нации против славянства, защита европейской культуры от московитско-азиатского нашествия, оборона от еврейского большевизма», - писал 2 мая 1941 года в своих инструкциях для боевых действий командующий 4-й танкового корпуса Эрих Гепнер. (Его имя и по сей день носит одна из гимназий Берлина.) Представление о «московитско-азиатском нашествии» базировалось на традициях русофобии, которые уходили своими корнями в 19-ое столетие. Клише «еврейского большевизма» было укоренено в консервативных элитах и офицерском корпусе Германии, травмированном Ноябрьской революцией 1918 года. Эта революция, как и все «демократически-республиканское» глубоко противоречило немецкому существу и приписывалось исключительно «русским и еврейским большевикам». Теперь наступал момент окончательно разгромить большевизм.

Генерал-полковник Георг фон Кюхлер, из инструкции высшего командования 17-й армии: «Наш враг полон коварства и садизма. Нужно атаковать решительно.» Генерал-полковник Гепнер: «Враг должен безжалостно уничтожаться. Никакой пощады для носителей русско-большевистской системы!» Эти слова не оставались только риторикой. Они были реализованы в виде конкретных приказов. «Приказ о комиссарах» от 6 июня 1941 года предписывал расстрел офицеров Красной Армии сразу же после пленения. В Указе о военно-полевых судах от 13 мая для подозреваемых гражданских лиц предусматривался выбор между расстрелом или освобождением. «За действия военнослужащих вермахта (...), направленные против гражданского населения, не предусматривается никакой ответственности даже в случае правонарушения или военного преступления». Так звучало распоряжение.

Данное правило фактически ликвидировало предусмотренную в международном праве

убийством в условиях боевых действий и обычным убийством. За линией фронта специальные подразделения СС и полиции совместно с вермахтом выполняли «особые задания»: расстрел партийных функционеров, «радикальных элементов» и (пока ограничено) евреев, работавших в партийных и государственных органах.

Не менее значимым было экономическое планирование войны. Не подлежало сомнению, что Советский Союз ввиду своего форсированного индустриального развития уже не был аграрно-экспортной страной, какой была Россия еще перед Первой Мировой войной. Поэтому людьми, планировавшими нападение, внимательно рассматривалась экономическая составляющая агрессии. Клише об «азиатском», неполноценном, опасном и в то же время выносливом славянском народе не давало ответы на все вопросы. В начале протокола совещания госсекретарей из ключевых министерств от 2 мая 1941 года зафиксировано: «1. Продолжать войну только в том случае, если на третьем году военных действий войска будут полностью обеспечены продовольствием исключительно из России. 2. Все необходимое для нас мы будем вывозить из стран. При этом, несомненно, от голода погибнет энное количество миллионов человек».

В подробных «Экономических директивах Экономического штаба «Восток», отдел сельское хозяйства» от 23 мая 1941 года также говорится о «более 10 миллионов человек», которые должны будут погибнуть от голода, так как аграрные области черноземной районов предназначались только для продовольственного обеспечения немцев и отсекались от российских лесных территорий и индустриальных регионов вокруг Москвы и Ленинграда. Согласно другим документам количество ожидаемых голодных смертей составляло 30 миллионов человек.

Эти преписания были изданы в виде «Зеленой папки», в первом издании 1000 экземпляров и во втором издании еще 2000 экземпляров, и были распространены в военных и гражданских учреждениях. Несмотря на то, что эти предписания, как и известный «Генералплан Ост», говоривший о германизации и переселении миллионов человек на восток, не содержали деталей планирования и конкретного руководства к действию, все же они имели решающее значение подобно аксиоме и красной линией проходили во всех последующих решениях.

40 000 человек погибли при воздушных налетах на Сталинград.

С первых дней немцы со всей серьезностью приступили к осуществлению своих планов. «Приказ о комиссарах» сразу же стал воплощаться в жизнь. До момента его отмены в 1942 году были убиты многие тысячи человек. Причем отмена приказа была вызвана отнюдь не гуманными соображениями. Считалось, что таким образом будет склонить к сдаче советские боевые части, которые часто жертвовали собой ради своих политруков.

Неизвестно точное количество жертв по приговорам военно-полевых судов. Можно сказать, только в 1941 году убитые исчислялись десятками тысяч. Многочисленные письма и дневники немецких солдат и офицеров наглядно демонстрируют, какому насилию подвергалось гражданское население. Каждое возможное сопротивление должно было подавляться в зародыше. Достаточно было одного проведенного телефонного провода, чтобы расстрелять 10 гражданских жителей. Достаточно было нескольких выстрелов зашедших в деревню красноармейцев, чтобы сжечь всю деревню и убить ее жителей. А сколько немцев имели возможность сфотографировать повешенных гражданских жителей, чтобы получить на память «интересную картинку»!

Грабеж гражданского населения играл для солдат важную роль. 18-летний солдат вермахта писал в начале июля 1941 года в письме родителям, что ему уже шесть раз доставалось в качестве добычи новое белье. Однако, вскоре письма домой стали наполняться разочарованием от бедности в стране. Так как вермахт во многом должен был снабжаться

продовольствием за счет оккупированной территории, были разграблены и без того бедные мирные хозяйства. У людей забиралась последняя возможность к существованию. Возникли целые области, в которых проводились систематические грабежи и где население, особенно беженцы и городские жители, постоянно голодали. Немецкие оккупационные власти подсчитали, что в городе Харьков с декабря 1941 года по август 1942 года погибло от голода более 12.000 человек. В других областях подсчеты не проводились, однако общее число погибших от голода в следствии политики грабежа составляет приблизительно один миллион человек.

При наступлении немецких войск летом и осенью 1941 года, ожидаемую проблему голода в населенных пунктах немцы попробовали решить путем изгнания населения с оккупированных территорий. «При военных действиях вблизи городов Харьков и Белгород применять артиллерию и также обстреливать жилые кварталы городов. После оккупации территории способствовать изгнанию населения на восток». Так записано в журнале военных действий 6-й армии 10 октября 1941 года. Были проведены массированные бомбардировки. Фотографии больших территорий выжженных городов украшали немецкие газеты, как доказательство «непобедимой немецкой авиации». Так во время бомбардировок города Сталинград 23-24 августа 1942 года погибло 40.000 человек, что соответствует количеству жертв после бомбардировок Дрездена западными союзниками в 1945 году.

Наступление немецких войск повлекло за собой огромную волну беженцев и изгнанных. В 1941 году по причине военных действий 14 миллионов человек были изгнаны с мест проживания и стали беженцами. Эта одна из глав истории европейской политики изгнания, которая должна быть отражена в дискуссиях об установке памятников немецким изгнанным в Берлине или в других местах.

У немецкого командования не было планов изгнания или эвакуации населения, когда 18-ая армия в сентябре 1941 года подошла к границам Ленинграда (сегодня Санкт-Петербург) и взяла город в кольцо окружения. В Берлине было решено город не занимать и не снабжать продуктами после ожидаемой капитуляции. Все население до последнего человека должно было умереть от голода – два с половиной миллиона человек. Ленинград отчаянно пытался выжить, с большим трудом удавалось организовать доставку продовольствия в город. Фактически окружение должно было вызвать период с 8 сентября 1941 года до 27 января 1944 года от 800.000 до одного миллиона жертв. Для сравнения: общая численность погибших Германии в результате бомбардировок союзной авиации в 1939-1945 годах составляет половину от погибших в Ленинграде.

В мае 1942 года, через 10 месяцев после начала вторжения, согласно статистике вермахта немецкими войсками было взято в плен три миллиона советских военнослужащих. К тому моменту времени приблизительно один миллион из них оставались в живых. Остальные два миллиона погибли: были расстреляны, умерли от голода или от последствий голода. Одними из первых жертв газовых камер в Освенциме стали советские военнопленные.

Они все должны были умереть, так как они, в планах стратегов войны, принадлежали к «лишним едокам», рабочая сила которых, в ожидании скорой победы, была не нужна. С самого начала были игнорированы закрепленные в международном праве нормы для военнопленных, которые была обязана обеспечивать воюющая сторона: снабжение продовольствием на уровне собственных солдат, достаточное количество одежды, сносные жилищные условия. Там, где продовольствия было достаточно, пленным доставались крохи. Там, где были проблемы с продовольствием, пленные и вовсе не получали еду. В ноябре 1941 года, когда «блицкриг» уже провалился, генерал-квартирмейстер Эдуард Вагнер категорически заявлял: «Не работающие военнопленные в лагерях для военнопленных умрут от голода». Только в последующие месяцы продовольственное питание было несколько увеличено, так как в ожидании более длительной войны, рабочая сила приобрела в глазах нацистов большее значение. Тем не менее уровень обеспечения продовольствием советских

военнопленных никогда не достигал уровня военнопленных из западных государств. До 1945 года погиб еще один миллион человек, в общей сложности три миллиона из 5,7 миллионов советских военнопленных.

После Бабьего Яра следовали расправа за расправой.

Война против Советского Союза должна была уничтожить не только еврейский большевизм, она должна была уничтожить весь еврейский народ в Европе. Если в начале в приказах для карательных отрядов четко назывались группы потенциальных жертв – партийные работники, то в течение короткого времени на оккупированных территориях развилась настоящая охота на людей еврейской национальности, вначале на мужчин, а затем также на женщин и детей. Всего через несколько недель после начала войны, в сентябре 1941 года, немецкие карательные отряды совместно с вермахтом расстреляли в Бабьем Яру, находящемся тогда на окраине города Киева, более 33.000 человек. С тех пор расстрелы в Бабьем Яру продолжались постоянно. Спустя три года, к 1944 году, к концу немецкой оккупации, погибли более трех миллионов еврейских граждан Советского Союза.

Это кажется невероятным, но это факт. Весь этот трудно осознаваемый ужас времен национал-социализма весьма слабо влияет на наши сегодняшние представления о мире. Образ войны на востоке определяется в популярных воспоминаниях на уровне битв, сурового климатом («Генерал Мороз»), и не в последнюю очередь страданий немецких солдат. Ведь мы так или иначе в своем восприятии прошлого опираемся на семейные рассказы. Без сомнений, в этой войне душевную травму перенесло целое поколение немецких мужчин. Однако даже по прошествии более 60-ти лет, перенесенные страдания немецких солдат не должны затмевать нашего взгляда на реальные масштабы этой войны, на многомиллионные жертвы и преступления немецких захватчиков. Без четкого представления масштабов, без упоминания фактов и количества жертв, мы не поймем, чем был национал-социализм и не поймем наших русских соседей в Европе.

О газете: «Zeit» («Цайт» - «Время»): крупнейшая общегерманская еженедельная газета, популярная, главным образом, среди представителей среднего класса и интеллигенции.

Об авторе: Др. Петер Ян (Peter Jahn): немецкий историк, бывший директор Немецко-Российского музея в Карлсхорсте (Берлин) с 1995 по 2006 гг., автор многочисленных публикаций о Второй мировой войне на территории СССР, член Правления объединения «Kontakte-Контакты»